

ОНА, ЭТА ДОРОГА, разделилась на две. В сторону Черной речки быстрые кони мчали здорового, сильного человека, который хотел жить, работать, любить свою жену, воспитывать детей. В тот день он особенно надеялся на справедливость судьбы. Его возвращение ждали начатые поэмы, исторические исследования... Обратный путь к Мойке был медленным, мучительным. Кровь из раны заливала чужую карету. Знакомый огромный мир оставлял его постепенно, с той скоростью, на которую были способны уставшие, никем не попукаемые кони. Сначала навсегда скрылись острова, Петропавловская крепость, Нева, Невский проспект, Мойка. Остался кабинет, врачи, страшная боль. Потом — только лица друзей и книги. На них мир замкнулся и исчез.

В квартире на Мойке Пушкин собирался прожить с семьей не менее двух лет. Поэт был на вершине славы, в расцвете творческого гения. Он написал уже «Полтаву», «Бориса Годунова», «Евгения Онегина», «Медного всадника», задумывал новые произведения. И казалось — все впереди... «Душа моя расширилась, я чувствую, что я могу творить!» — писал в одном из писем.

УТРОМ 27 ЯНВАРЯ Пушкин «встал весело в восемь часов — много писал — часу до одиннадцати». Потом взялся читать «Историю России в рассказах для детей» писательницы Ишимова. Это была последняя книга, которую он держал в руках.

Секундантом Пушкин выбрал Константина Данзаса. Почему же именно его? Данзас был товарищем по Лицею, а все лицейское навсегда осталось дорогим поэту. Через двадцать шесть лет после дуэли, в 1863 году, были опубликованы воспоминания Данзаса, записанные с его слов Амосовым, которые оказались поразительно скудными: он помнил, что 27 января 1837 года «проходя по Пантелеймоновской улице, встретил Пушкина в санях...» Это было у Цепного моста. Пушкин посадил Данзаса в свои сани и отвез во французское посольство, где жил д'Аршиак, секундант Дантеса. Во время пути он говорил с Данзасом «как будто ничего не бывало, совершенно о посторонних вещах». Данзас не вспомнил — о чем именно. Приняв предложение Пушкина стать его секундантом, остался с д'Аршиаком, чтобы составить условия дуэли: она должна состояться непременно в тот же день, в 5-м часу пополудни. Место поединка — за Черной речкой, возле Комендантской дачи. Оружие — пистолеты. По желанию д'Аршиака условия поединка были записаны на бумаге (осторожный и пунктуальный д'Аршиак, видимо, был уже опытным и компетентным секундантом). С этой роковой бумагой Данзас возвратился к Пушкину. Он застал его дома одного. Не прочитав даже условий, Пушкин согласился на все. Потом, договорившись сойтись в кондитерской Вольфа, Данзас отправился сделать нужные приготовления.

С точки зрения современников и, наверное, самого Данзаса, он показал себя храбрым человеком, согласившись на секунданство. Ведь дуэли были запрещены, и участники их могли быть наказаны — разжалованы, высланы, заключены в тюрьму. Храбрость-то была... Не было мужества расстроить дуэль и спасти поэта.

ПУШКИН БОДРО ШЕЛ по узким тротуарам Мойки к Невскому проспекту, по Полицейскому мосту свернул к дому купца Котомина и вошел в кондитерскую Вольфа и Беранже — двух швейцарцев, которым владеец сдал часть первого этажа со стороны Мойки. Пирожные и печения хороши были во многих кондитерских Петербурга. Но в этой хозяйка предлагала еще газеты и журналы. В уютных залах любил собираться писатели, актеры, издатели, художники, музыканты — все знали друг друга. Пушкин, конечно, бывал здесь тоже. В тот день пришел для встречи с секундантом. Он

еще не явился. Надо было ждать. Данзас уехал в оружейный магазин Куракина за пистолетами, уже выбранными заранее Пушкиным. Они были совершенно сходны с пистолетами д'Аршиака.

Пушкин спросил себе стакан лимонада. Вероятно, в кондитерской никого не было в этот час. Во всяком случае, не было тех, кто его знал, был знаком с ним. Никто не смог потом вспомнить этих последних минут живого, здорового поэта. Никто не видел, как он ждал...

Данзас как секундант проявил некомпетентность: он не предупредил ни Спасского, домашнего врача Пушкина, ни лейб-медика Арендта, жившего рядом на Мойке, чтобы они не отлучались из дому. И — забыл нанять карету на случай тяжелого ранения.

Когда Данзас наконец приехал с пистолетами, было около четырех часов дня. Пушкин

ДОРОГА НА ЧЕРНУЮ РЕЧКУ...

10 февраля, 147 лет назад, перестало биться сердце Александра Сергеевича ПУШКИНА

выпил свой лимонад и вышел с ним из кондитерской. Хлопнула дверь. Парные сани стояли у порога. Данзас, должно быть, пошел вперед, показывая сани, и первым сел слева, по ходу движения. Кучер натянул вожжи — и сани тронулись. Началась последняя дорога Пушкина...

ДЕНЬ БЫЛ ХОЛОДНЫЙ, ЯСНЫЙ. С Невского повернули к Дворцовой, свежие кони бежали легко. Осталась позади Александровская колонна... Проехали царский дворец. Как всегда, был светел и жизнерадостен Зимний. По великолепным, торжественным фасадам в грациозном ритме струилась колоннада. Блистала позолота, освещенная солнцем... На Неве стояли высокие, на две стороны, деревянные «катальные горы», деревянные «катальные горы», украшенные елками. Много простого людского сошлось на гулянье. Слышался смех, удалые крики, пронзительные голоса разносчиков и хриплые звуки непрерывной шарманки. Собралась сюда и петербургская знать — покатались в расписных санях. Мороз усиливался, и некоторые кареты уже возвращались. Знакомые весело раскланивались с Пушкиным и Данзасом, не догадываясь, что они едут к месту поединка на Черную речку...

Данзас вспомнил, что на Дворцовой набережной им встретилась в экипаже Наталья Николаевна. Он узнал ее, надежда в нем блеснула! Эта встреча могла исправить все... Но жена поэта была близорука, а Пушкин глядел в другую сторону. (Данзас мог заметить карету Пушкиных, потому что сидел слева и карета проехала мимо него. Пушкин же мог не

заметить жену в экипаже именно потому, что сидел справа. Впрочем, мог и намеренно отворачиваться, чтобы вопросы Натальи Николаевны не задержали и не нарушили движения к цели, к развязке).

Не доезжая Троицкого плашкоутного моста, вероятно, у Иорданского подезда Зимнего, где обыкновенно бывали сходни, сани спустились на Неву. По льду вела раскатанная дорожка на тот берег. Она была обсажена по бокам маленькими елками, чтобы едущие не сбились в сторону, особенно ночью.

— Не в крепость ли ты везешь меня? — усмехнувшись, спросил Пушкин своего секунданта.

Почему он спросил? До того ехал задумавшись, молча. Увидел, что сани съезжают на лед, удивился — зачем? Ведь обычно на Каменноостровский проспект ездил по парадной Дворцовой набережной, а затем — по Троицкому мосту. Потому и спросил: «Не в крепость ли ты везешь меня?» — и усмехнулся.

— Нет, через крепость на

Крестовском острове. Один из них крикнул: «Что вы так поздно едете? Все уже оттуда разъезжаются!»

Петербургская сторона была тогда захолустной, провинциальной. Каменноостровский проспект начал благоустраиваться с тех пор, как Каменный остров стал царской резиденцией. Теперь от пушкинского времени на проспекте сохранилось немного зданий — бывший Сиротский дом (позже в это здание, после некоторой перестройки, был переведен из Царского Села Александровский лицей), дача Воронихина и небольшой дом на набережной Карповки, справа от моста... Данзас и Пушкин пересекли Аптекарский остров с дачными участками и миновали огромный заснеженный Лопухинский сад. Перед ними — величественный, на сводах, Бетанкуров мост, ведущий на Каменный остров. Он был местом отдыха петербургской знати, понастроившей здесь роскошные особняки и дачи, планы которых рассматривал и утверждал сам император. Издалека был виден великоле-

пись Пушкин пометил датой: «1836 авг. Кам. остр.».

Нет, весь я не умру —
душа в заветной лире
Мой прах переживет
и тленья убежит...

— стихи эти словно сопровождали автора на всем пути, жестоко предвещая конец...

Дача Доливо-Добровольских не сохранилась. На участке остался лишь служебный флигель, построенный архитектором Писцовым.

Затем сани помчались по пустынной набережной Большой Невки — мимо летних особняков, мимо длинного здания Инвалидного дома для моряков с мальтийским крестом на фронте (теперь здесь находится новый спортивный зал). Позади осталась темнокрасная, словно пылающая на белом снегу церковь Иоанна Предтечи с высокой колокольней и готическим входом. Также светлая памятка: здесь Пушкины крестили своих детей.

Шел пятый час. Приближался конец пути. Весь он занял не более часа. Через Большую Невку, по Строгановскому мосту, сани двигались к Комендантской даче. Потянулись пустые домики, крестьянские избы и дачи, более скромные, чем на Каменном. В одной из них, даче Миллера, Пушкины жили в 1833 и 1834 году. Здесь родился старший сын, «рыжий Сашка».

В глубоком снегу стоял и

ча ждал. Наконец приготовления окончились: пистолеты заряжены, противники расставлены. Данзас махнул шляпой...

Дуэлянты начали сходить с дистанции. Расстояние между барьерами было всего десять шагов. Мудрено не попасть в голову, в сердце или в ногу. Можно выстрелить и в воздух!

Пушкин пошел быстро и, почти достигнув барьера, стал целиться...

Он опоздал на секунду.

Дантес, не дойдя до барьера, выстрелил первым. Он метил в живот и попал. Такое ранение в те времена было смертельным, а смерть мучительной. Пушкин покачнувшись, рука с пистолетом опустилась, и он сам упал лицом в снег. Поэт не понял сначала, куда ранен. Лежа на шинели Данзаса, служившей барьером, сказал: «Кажется, что у меня раздроблено бедро...». Секунданты бросились к нему, но он удержал их: «Стойте, у меня есть еще силы для выстрела». Собранные силы, приподнявшись, Пушкин сделал свой выстрел. Его пуля попала в левую руку противника, которой тот прикрывал грудь, и лишь слегка контузила Дантеса.

ПУШКИН, ЛЕЖА НА СНЕГУ, истекал кровью. В санях тяжелораненого везти было невозможно, и Данзас принужден был воспользоваться каретой Геккерена. Она медленно повезла поэта по той же дороге назад: через Каменный, Аптекарский, Городской острова, но теперь уже мимо Петропавловской крепости, через Троицкий мост, по Дворцовой набережной, вдоль сверкающей потешными огнями, холодно застывшей Невы. Пушкин держался бодро, но начинал понимать опасность своей раны. Он вспомнил о знакомом — Щербачеве, смертельно раненом в живот на дуэли с Дороховым, и, жалуюсь на боль, сказал Данзасу: «Я боюсь, не ранен ли я, как Щербачев...». Кровь из раны текла безостановочно.

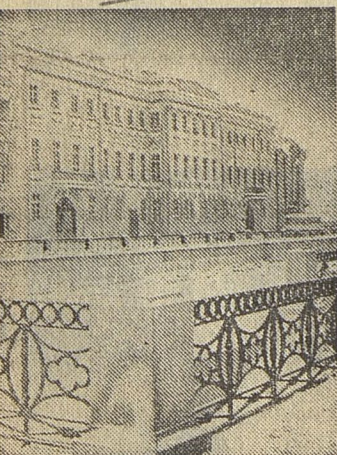
На Невском тьма была идущих и едущих. Сумерки спустились на город. Карета Геккерена тихо двигалась к Мойке. Навстречу мчались щегольские экипажи, и веселый свет их хрустальных фонарей бежал радугой по снегу... Город, воспетый Пушкиным, продолжал жить... Подъехали к дому. У подъезда Пушкин просил Данзаса выйти вперед, послать людей вынести его из кареты, и если жена дома, то предупредить ее и сказать, что рана не опасна...

Потом Данзас отправился за доктором. В кабинет Пушкина вошел Николай Федорович Арендт, доктор медицины и хирургии, лейб-медик императора, который был известен в Петербурге как «оператор-виртуоз», совершивший смелые и трудные операции. Осмотрел рану. Пушкин просил сказать откровенно, в каком находит его положении, и прибавил, что, какой бы ответ ни был, он его испугать не может, но что ему необходимо знать наверняка свое положение, чтобы успеть сделать некоторые нужные распоряжения.

— Если так, — ответил Арендт, — то я должен вам сказать, что рана ваша очень опасна и что к выздоровлению вашему я почти не имею надежды. Но Пушкин, вероятно, все же надеялся — слава доктора была велика. Однако оперировать поэта Арендт не решился. Уезжая, ответил в передней на вопрос провожавшего его Данзаса: — Штука скверная, он умрет.

Такие раны тогда не лечили. Врачи могли лишь (во всяком случае — пытались) облегчить страдания умирающего. Однако и для этого средств было немного — лед, пивакки... 29 января 1837 года закатилось солнце русской поэзии... Л. ДОБРИНСКАЯ, кандидат исторических наук

● Дуэль Пушкина с Дантесом. Картина работы А. Наумова. 1885 год.
● Дом на Мойке. 12. Фото П. Маркина

Каменноостровский дворец. Пушкин несколько раз бывал здесь на приемах великой княгини Елены Павловны, бродил по парку: летом на фоне зелени так прекрасны его мраморные скульптуры! Теперь, в белом снегу, среди голых деревьев неподвижно и зловеще высились фигуры, укутанные в темную рогожу, обвязанные веревками...

Последний путь Пушкина со временем оброс преданиями. Может быть, именно потому, что Данзас так мало помнил об этой дороге? Одно из этих преданий утверждает, что, проезжая Каменный остров, Пушкин остановил сани и зашел в пустую дачу Доливо-Добровольских, которую летом 1836 года сняла Наталья Николаевна. Лежит ли в основе предания действительный факт или вымысел, дальнейшая беллетристика — неизвестно. Скорее всего, последнее... Но некоторые сведения частично как бы это предание оправдывают. За Каменноостровским дворцом, почти у начала Березовой аллеи, в то время стояли два дома полевой жандармерии. Вряд ли едущие на дуэль жалели встречи с жандармами. И если так, то тогда сани должны были свернуть с моста налево, миновать владения принца Ольденбургского, дачу Челищева, Павловскую аллею, где любил летом гулять Пушкин, и по Большой аллее выехать к участку Доливо-Добровольских.

На даче Доливо-Добровольских 23 мая 1836 года родилась дочь Пушкиных — Наталья. Именно здесь было написано поэтическое завещание — «Памятник». Черновую руко-